

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА В СОСТАВЕ ТВЕРСКОЙ ЛЕКСИКИ

И. М. Ганжина

В статье рассматривается этимологическая история некоторых лексических диалектизмов с затемненной внутренней формой в говорах Тверской области. Сделана попытка выявить мотивационные характеристики слов путем проникновения в их внутреннюю форму, проследить их семантические связи с однокоренными лексемами в других славянских и индоевропейских языках. Анализируются историко-семантические преобразования, которые имели место при возникновении производных значений, в результате которых возникли новые слова, конкретизирующие в диалектах признаки, явления, действия и предметы.

Ключевые слова: *этимология, лексема, диалект, праславянский язык, индоевропейские языки, предикативно-характеризующее значение, внутренняя форма, мотивация.*

В лексической системе тверских говоров, зоне активных языковых контактов, проходящих с древнейших времен до настоящего времени, имеется значительный слой разнородных по происхождению элементов – субстратных, с одной стороны, и архаических славянских, с другой, которые иногда трудно различимы, так как содержат в своем составе «омертвевшие» в словообразовательном отношении компоненты. При этом в составе тверской лексики содержатся отсутствующие в других русских говорах слова, представляющие значительный интерес в плане определения историко-этимологических связей с другими языками и диалектами, а также в плане установления путей проникновения на территорию тверских земель.

Однако этимологическому изучению тверских говоров до сих пор уделялось крайне мало внимания, имеются лишь отдельные статьи и замечания. Так, Н. С. Бондарчук, говоря о географии северно-русских

диалектных лексем, обозначающих участки землевладения и землепользования (по письменным памятникам XIV – начала XVII вв.) в плане обнаружения в них результатов развития славянских языков и их диалектов из общего языка-источника или параллельного типологически сходного развития, анализирует в том числе документы тверских и костромских земель [1]. Статья С. А. Мызникова посвящена этимологии нескольких лексем молодежских говоров [5].

Между тем исследование этимологии тверских говоров (как и любых других), сравнение лексики разных русских территорий, сопоставление её с соответствующей лексикой других славянских и – глубже – индоевропейских языков полезно для понимания исторических судеб развития русской диалектной лексики, её ареальных связей, особенностей номинации, семантического развития и словообразовательной дистрибуции. Лексические параллели, общие в плане содержания, с некоторыми семантическими и структурными расхождениями периферийного характера, являются той опорой, которая поддерживает единство русского языка, существующего в многочисленных диалектах. Носители русского языка должны знать их как необходимую составную часть народной культуры.

Объектом нашего исследования являются зафиксированные в «Материалах для словаря народных говоров Калининской области» [3] производные имена существительные с переносным предикативно-характеризующим значением, имеющие неясную внутреннюю форму. Многие из этих слов восходят к праславянскому лексическому фонду и имеют общий корень, однако их мотивационная характеристика нередко отличается от однокоренных лексем в других славянских языках.

Привлечение для анализа широкого лексического фона, учет этимологических связей и географического распространения соответствующих лексем, возможности переносных значений позволяют установить развитие значений слов в тверских говорах, восстановить целые цепочки семантических изменений. Такой комплексный подход даёт возможность проникнуть более глубоко во внутреннюю форму слов, проследить их семантические связи в древний период, а сопоставления с данными славянских, а порой и неславянских языков дают возможность установить истоки народных нравственно-эстетических представлений.

Попробуем на ряде примеров показать, как этимологически восходящие к одному праславянскому корню лексемы с затемненной внутренней формой на каком-то этапе развития расходились и как могла происходить актуализация одной из граней значения исходного корня, какие семантические преобразования имели место при возникновении производных значений.

КОВЕРЗЕНЬ «бойкий человек, шалун»;

ВИРА «пустозвон, пустомеля»;

ИВЕРЕНЬ «торопыга, кто всегда спешит»;

ВАРЛЫГА «лентяй, бездельник, праздный шатун»;

ВАРАХОБА «бездельник»

В русских говорах Севера и Северо-Запада выделяется целая группа слов, объединённых семантическим признаком «сплетённое, свитое» и древнейшим корнем **ver-*. В данную группу включаются наименования обуви, корзин, сетей, изгороди и т.п. На наш взгляд, следует учитывать также вторичные значения типа «сплетни», «сплетник», «пустой, никчёмный человек» и др. Корень *вер-* имеет варианты, этимологически обусловленные меной гласных: *вер-*, *вир-*, *вор-*, *вр-*, а также расширителями в виде согласных: **g*, **z*, **d*, **t*. Глаголы *вира́ть*, *ве́рать*, *ве́реть* известны в разных северных говорах в значениях «плести лапти, корзины, сети и т. п.», «чинить плетёную обувь», «сшивать полотнища сетей», «кое-как плести, делать что-либо» [8, т. 4, с. 120, 292; 6, т. 1, с. 127; 7, т. 1, с. 112]. В русских говорах Карелии отмечены также переносные значения глагола *вира́ть*: «выдумывать, сочинять», «лгать, говорить неправду», отсюда семантически вторичные именные образования на территории Карелии: *вира́ница* «выдумка, небылица», *вира́лка* «лгуня», *вираш* «лгун» [7, т. 1, с. 112]. На наш взгляд, это гнездо переносных образований можно дополнить тверским словом *ви́ра* «пустозвон, пустомеля».

Того же корня еще одно тверское существительное – *коверзе́нь* – «бойкий человек, шалун», сохранившее в своём составе древнюю приставку *ко-*. Об этом свидетельствуют диалектные беспрефиксные образования с тем же корнем: *верзни* во многих северных говорах – «лапти» [8, т. 4, с. 146] от *верза́ть*, *верзи́ть* «вязать», родственно финскому *virzi*

«лапотъ» [9, т. 1, с. 299], отсюда и собственно русское *верзила* [11, с. 75]. Переносное значение глагола *верзить* «нести чушь, лгать» (ср.: *плести* в значении «обманывать») – с этим же значением глагол встречается и в украинском и белорусском языках. В диалектах отмечены и приставочные образования с тем же корнем: в новгородских говорах *каверз-ни* «сапоги / башмаки, сплетённые из бересты» [6, т. 4, с. 64], в псковских и некоторых тверских *коверзень* «лапотъ» [8, т. 14, с. 30]. Как отмечают исследователи, префикс *ка-* / *ко-* имел оттенок пренебрежения; «глагольная лексика с *ко-* и *ка-* имеет преимущественно вторичную семантику» [4, с. 152]. Ср.: *кавирзать* «городить, путать, дурно писать, бить, колотить» в смоленских говорах, *коверзить* «сплетничать; шалить, проказничать, бедокурить» в псковских и тверских; *кавярзаць* «небрежно делать» в белорусских диалектах [12, т. 12, с. 19].

Полагаем, что развитие переносного значения произошло еще в исходных глаголах *вирать*, *верать*, *верзать*, *коверить*, *коверзать* следующим образом: «плести» → «плести небрежно» → «делать что-л. небрежно» → «болтать языком во время выполняемой работы» → «передразнивать, кривляться» → «вести себя плохо»; от разных переносных значений и произошли тверские существительные *коверзень* «бойкий человек, шалун», *вира* «пустозвон, пустомеля».

Видимо, в эту группу входят и другие лексемы: *иверень* «торопыга, кто всегда спешит», *варлыга* «лентяй, бездельник, праздный шатун», *варахоба* «бездельник».

Такой комплексный анализ лексико-семантической группы, содержащей признак «плетёное, витое, вязаное», позволяет увидеть четкие семантические связи между словами с затемненным для современного состояния языка морфемным составом. Представленный материал свидетельствует о сохранении архаических образований и значений с корнями *вир-*, *вар-*, *вер-*, *верз-* в тверских говорах, а также в говорах севера и северо-запада России и в ряде славянских языков.

Нахождение производящей с исторической точки зрения основы часто помогает осознать первоначальное значение лексемы, а также по-новому подойти к рассмотрению слов, которые раньше были однокоренными и, следовательно, имели общий элемент семантики.

БАХИРЬ «рассказчик»; БАХОРА «хвастун»

Глагол *бахорить* во многих русских говорах употребляется в значении «говорить; весело говорить; много говорить; болтать» [8, т. 2, с. 156]. Сходные глаголы отмечены и во многих других славянских языках: сербохорв. *bǎhoriti* «колдовать», словен. *bahati* «хвастать», *bahoríti* «колдовать», чеш. *bachořiti* «болтать» и т. д. [9, т. 1, с. 136]. По всей видимости, все приведённые лексемы и производные от них связаны этимологически с глаголом *баяти* «говорить» (ср. также: *ба-сня* < *ба-ять*, *зна-харь* < *зна-ть*). К производной основе **ba-* (**ba-jati*), как полагают этимологи (о чем свидетельствуют и приведенные нами славянские глаголы), был еще в общеславянский период добавлен экспрессивный суффикс *-х-* (ср., напр.: русское диал. *бах* «говорун, краснбай», сербохорв. *bǎх* «гордец», «шум, грохот»), и уже от этой суффиксально осложнённой основы были образованы производные **bahora*, **baharъ*, **bahoríti*, представленные в славянских языках достаточно широко [12, т. 1, с. 137].

В русских говорах производная отглагольная лексема *бахарь* употребляется в значениях «болтун», «хвастун», «колдун»; тверские слова в этом случае претерпели некоторые фонетические преобразования (диссимилиация: *бахирь* < *бахарь*) либо морфологические (*бахора* < *бахарь*). При этом оба существительных сохраняют этимологическую прозрачность:

- 1) *баяти* «говорить» → «рассказывать» → *бахирь* «рассказчик»;
- 2) *баяти* «говорить» → «говорить, хвастая» → «хвастать» → *бахора* «хвастун».

ДЕДЕР «дьявол, нечистый»

Слово *дед* (**dēd*) зафиксировано во всех славянских языках прежде всего в значении «отец отца или матери по отношению к их детям, к своим внукам», а также в значении «старик». Ср.: укр *дід*, белор. *дзед*, болг. *дядо*, с.-хорв. *дѣд*, словен. *ded*, чеш. *děd* и т. д. [10, т. 1, с. 237]. Слова того же корня обнаруживаются и в балтийских языках – ср. лтш. *dēds* «старик, чучело», *dēdēt* «чахнуть, слабеть телом» [9, т. 1, с. 494]. Вероятно, в разных славянских языках от этого корня возникли различные производные, в том числе с пренебрежительным значением: ср.

в чешском языке: *dědek* «старикашка», «старый хрен» [10, т. 1, с. 237]. Интересно, что в разных говорах слово развило другие дополнительные значения: *дед* – 1) знахарь, колдун – смол., калуж., свердл.; 2) чёрт; домовый – калуж., тул.; 3) старик-нищий – юж.; *дедка* – по суеверным представлениям – сверхъестественное существо, нечистый дух – дон., ворон., арх. // чёрт, леший, дьявол – дон., орл., курск. [8, т. 7, с. 328–329]. Кроме формы *дедер*, в тверских же говорах зафиксированы варианты *дедерь* «бранное слово, обозначающее нечистого духа» и *дѣдер* «нечистая сила ≈ Бранно: *дѣдер ты возьми*» [Там же, с. 329].

Можно предположить такое развитие значения у тверского существительного: «старик» → «старикашка» → «старый чёрт» → «дьявол, нечистый».

БОТВИЛА «подлый, чванливый выскочка»;

БОТВИННИК «жмот, скряга, жлоб»;

БУТУЗ «неловкий тип»

Слово *ботвила* восходит к общеславянскому **botŭ* «ботва». В славянских языках слово *ботва* означает «ветка, побег» [9, т. 1, с. 200]. Не исключено, что значение «выскочка» возникло по сравнению с побегом, отростком растения, который выскакивает из-под земли. Дополнительная же коннотация «подлый, чванливый», возможно, появилась под влиянием родственного глагола *ботеть* «толстеть», с которым напрямую связано слово **ботвинник**: как и тверское *ботвила*, оно восходит к общеславянскому **botŭ* (ср.: укр., белор. *ботва* «свёкла», *ботвинья* «свекольная ботва», сербохорв. *батво* «ветка, побег», словен. *bětvo* «стебель») [12, т. 2, с. 225]. Н.М. Шанский приводит глагол того же корня *ботеть*, *бутеть* «толстеть» и связывает его с глаголом *быть* «расти» [11, с. 55], отсюда в народной речи *ботвиться* «разрастаться» [9, т. 1, с. 200].

Возможно, слово прошло такой путь развития значения: «тот, кто нарастил своё состояние («разросся»), разбогател, питаюсь ботвой, экономя на еде» → «жмот, скряга, жлоб».

Что же касается слова **бутуз**, то это собственно русское образование отмечено и в литературном языке, и в разных говорах, но с другим значением: *бутуз*, *бутус* «толстый и короткий тип, карапуз»

[9, т. 1, с. 153]. Восходит же данная лексема к той же основе, что и диалектный глагол *бутеть* (ср. *ботеть*) «толстеть», этимологически связанный со словом *ботва* [11, с. 64]. В разных русских говорах и славянских языках производные от этого корня развили разные значения: словен. *bûta* «большоголовый человек», *bûtaſt* «тупой, глупый», польск. *buta* «гордыня», диал. *бутеня* «толстяк», а в тверских говорах *буруз* – «неловкий тип» [12, т. 3, с. 101–102].

ЗАГНОЙ «худой; сварливый человек»

Этимология данного диалектизма неоднозначна; можно сделать два возможных предположения относительно его происхождения, и в обоих случаях поиск этимологии приводит нас в конечном счете к индоевропейскому источнику.

1) Связь приведенного слова с глаголами *загнуть(ся)*, *гнуть*, восходящими к о.-сл. **gъnqti* (<**gъbnqti*). Слова с этим корнем зафиксированы всеми славянскими языками: укр. *гнути*, блр. *гнуць*, болг. *гъна* – «гну», с.-хорв. *ганути* – «сдвинуть с места», «вывихнуть», «взволновать», чеш. *hnouti* – «двинуть, шевельнуть», словац. *hnúť* – «шевелить», польск. *giąć* – «сгибать», в.-луж. *hnić* – «двигать, шевелить» и т. д. [10, т. 1, с. 196]. Определение и.-е. базы представляет для этимологов определённые трудности, однако есть предположение о родстве его с балтийскими и другими и.-е. языками (нем., готск., др.-инд. и даже греческим) [9, т. 1, с. 422–423; 10, т. 1, с. 197]. В таком случае значение тверского слова могло развиваться следующим образом: «тот, кто загнулся» → «искривлённый, согнувшийся» → «худой» → «сварливый (от плохой жизни)».

2) Однако возможна и связь данного слова с общеславянским глаголом **gniti* «разрушаться, разлагаться», «трухляветь», отсюда существительное *гной* – «гной», «навоз». Исследователи также находят и.-е. базу у этого слова [9, т. 1, с. 421–422; 10, т. 1, с. 195–196]. Следовательно, семантика тверского слова могла пройти такой путь: «тот, кто загнил» → «покрытый гнойнными язвами, больной» → «гнилой, худой» → «сварливый».

Интересно, что на каком-то этапе развитие значения пошло по-разному на разных территориях: так, слово **загной** встречается и в других говорах, но с иным значением – «вялый, медляк» [8, т. 3, с. 13].

КУРВА «сплетница»

Слово зафиксировано во всех славянских языках, но в значении «блудница, женщина лёгкого поведения»: укр., блр. *курва*, сербск.-ц-слав. *курѡва*, болг. *курва*, сербохорв. *кѹрва*, словен. *kurva*, чеш. *kurva*, польск., в.-луж., н.-луж. *kurwa* [12, т. 13, с. 133]. Исконное слово – **kury* – «птица, курица», «петух» [9, т. 2, с. 423].

Однако в тверском слове значение изменилось иначе, нежели в других языках. Возможно, в реализации тверского значения слова проявляется иная ассоциативная связь: *петух* – связано с *петь*, а потом, в переносном смысле – «перепевать» сказанное кем-то, сплетничать.

КУЛЯВА «мямля»

Внешне сходно с общеславянским прилагательным *кулявый* «хромой» – ср.: польск. *kulawy* «хромой», блр. *кулявы* «колченогий», болг. *кулав* «с парализованной рукой», макед. диал. *kuł, kula* «хромой» и т. п. [12, т. 13, с. 99; 9, т. 2, с. 413]. Это производное прилагательное с суффиксом *-avъ* от **kulati*, который отмечен во всех славянских языках с разными значениями: «вырываться, бить с силой», «вращать, катить», «хромать, припадать на одну ногу», «катать бельё вальком», «валить набок, опрокидывать» [12, т. 13, с. 98–99].

По всей видимости, в тверских говорах произошел метафорический перенос: *кулява* – тот, у кого «хромает» речь, тот, кто мямлит.

КРОМУШНИК «попрошайка»

Исходное *крома* отмечено в славянских языках: во многих – в значении предлога «кроме, исключая, без», а также как существительное – ср. укр. *крома* «перегородка», в.-луж. *křoma*, н.-луж. *ksoma* «край, кромка; кайма», польск. *kroma, krom* «краюха, ломоть хлеба», др.-рус. *крома* «большой ломоть хлеба, отрезанный от целого каравая» и т. д. [12, т. 12, с. 185–186]. Предположения о родстве с другими индоевропейскими языками не кажутся достоверными [9, т. 2, с. 380]. Вероятно, развитие значения приведенного слова прошло такой путь: «край» → «краюха хлеба» → «тот, кто просит хлеба; попрошайка».

Интересно, что в деловых документах фиксируется прозвище и фамилия того же корня, в том числе на тверской территории: «Фома

Крома, митрополичий слуга, 1510; Григорий Данилович Кромин, 1550, Дмитров; Кромин Василий, 1538, Тверь» [2, с. 165].

ЛУДА «прилипчивый тип»

Слово связано с др.-рус. и цслав. *луд* «дурак», болг. *луд*, сербохорв. *луд*, *луда* «сумасшедший, слабоумный, глупый», сербохорв. *луда* «дурак, идиот; шут», словен. *lud*, *luda* – то же, чеш. *lud* «дурак», отсюда *лудить* «обманывать, вводить в заблуждение», укр. *лудити*, сербохорв. *лудити* «сводить с ума, лишать рассудка», *лудити се* «дурачиться, прикидываться дураком; вести себя глупо», словен. *luditi* «одурачивать, заманивать», чеш. *louditi* «выманивать, выпрашивать», *louditi se* «подкрадываться, подбираться», ст.-польск. *tudzic* «обманывать; заманивать, манить; овладевать обманом» и т. д. [12, т. 16, с. 167].

Предположения о связи с лит. *liusti* «грустить» кажется не слишком обоснованным [9, т. 2, с. 528].

ЛОХМАН «простофиля»; **ЛОХМЫННИК** «лохмотник»

Исходные однокоренные слова *лохма*, *лохмотье*, *лохмотить* «трепать, оборвать», вероятно, были в общеславянском языке, однако словари отмечают их лишь в некоторых из них (возможно, они имели более узкий ареал бытования): кроме разных говоров русского языка, родственные формы отмечены в укр. *лохман* «тряпка, лоскут», в польск. *loch* «тряпка» [9, т. 2, с. 524], в блр. диал. *лахманы* «старая порванная одежда», в болг. диал. груб. *л'охмънъ* «человек, который много скитается, шляется, не бывает дома» [12, т. 15, с. 250]. Родственные слова с чередованием гласных *лахон*, *лаха* с тем же значением отмечены только в украинском и польском языках [9, т. 2, с. 467].

Таким образом, можно заметить, что иногда корни, родственные тверским словам, зафиксированы не во всех славянских языках, а лишь в некоторых из них. По-видимому, это может быть связано с тем, что изначально общеславянские лексемы утратились со временем в ряде языков либо отдельные слова имели изначально ограниченную сферу распространения. Слова, зафиксированные в тверских говорах, в процессе исторического развития претерпевали всевозможные переосмысления, приводившие к появлению новых, чисто локальных

значений, в то время как на других территориях могли появляться и актуализироваться другие переносные значения тех же лексем. Исследования подобного рода расширяют наши знания о структурных и семантических особенностях русской лексики, о её связях в составе индоевропейского словаря, дают дополнительный материал для реконструкции праславянского лексического фонда; с помощью этимологического анализа удастся расширить состав многих слабо засвидетельствованных этимологических гнезд.

Список литературы

1. Бондарчук Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии: Пособие по спецкурсу / Калининский гос. ун-т. Калинин, 1978. 84 с.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон. М.: Наука, 1974. 382 с.
3. Материалы для «Словаря народных говоров Калининской области»: в 3 т. Калинин, 1953.
4. Михайлова Л. П. История края в народном слове: Русские говоры Карелии. Петрозаводск: Изд-во Карельского гос. пед. ун-та, 2004. 288 с.
5. Мызников С. А. Об этимологии некоторых лексем молодежеских говоров // Стратегии исследования языковых единиц / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2012. С. 124–129.
6. Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–4. СПб., 1994–1999.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40. М.; Л.: СПб.: Наука, 1965–2006.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994.
11. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.
12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–35. М.: Наука, 1975–2009.